

Ш А Л Я П И Н

В КОНЦЕ девяностых годов появился большой артист в Москве — Шалапин Федор Иванович. Он на коне, в кольчуге Ивана Грозного выехал на сцену в театре Саввы Ивановича Мамонтова. Поразил этот артист всю Москву. Необыкновенной игрой, замечательным голосом своим он перевернул все и вся. Опера с приходом Шалапина как бы родилась заново. Повсюду распевали, подражая Шалапину. Многие пытались перебить великого артиста, но куда там! До сего дня этого сделать никому не удалось. Такого Мефистофеля, такого Варлаама, такого царя Бориса никто не видел и не слышал еще никогда.

Сам Шалапин был чудо-богатырь, красавец. Он ходил в русской поддевке, шелковой рубашке и русских сапогах. Где бы Шалапин ни появился, он производил чарующее впечатление.

Только и разговоров по Москве: Шалапин да Шалапин. Выступал он в «Юдифи», в «Князе Игоре», в «Дон Кихоте», и всякий раз — восторг и поклонение.

В открытом ландо на прекрасных жеребцах проезжал Шалапин по Никитской улице мимо консерватории. Величавый, в шляпе с широкими полями, Федор Иванович отвечал на приветствия, ласково кивая головой. Шалапин наслаждался своей властью над людскими сердцами. И, казалось, опера перешла в жизнь. Казалось, по улице ехал князь Галицкий и удаю распевал: «Пожил бы я власть, ведь на то и власть». Но шалапинская власть над людьми была всем желанна и мила.

Видя Шалапина на сцене (а я старался не пропускать спектаклей с участием великого артиста), я поражался, как много может человек! Просто созерцать, просто слушать его я не мог себе позволить. Мой мозг, все чувства были в полном напряжении — я старался запомнить каждый его жест, сотни неповторимых выражений его лица, мой взгляд не мог оторваться от подвижной и величавой фигуры Шалапина. Он был воплощенная пластика! Для меня, начинающего скульптора, это был неисчерпаемый клад. Нет числа карандашам и все новым порциям глины, переведенным на рисунки, скульптурные этюды все е

С. КОНЕНКОВ

БЕСКОРЫСТНАЯ творческая дружба — удел больших талантов. О такой дружбе с выдающимися деятелями мировой культуры много и горячо рассказывает в книге воспоминаний, над которой он сейчас работает, старейший советский скульптор С. Коненков. Мы публикуем сегодня отрывок из этой книги, посвященный воспоминаниям о великом русском певце Ф. И. Шалапине.

одной модели — с Шалапина. Он был многолик, многоветен, неисчерпаем: Олоферн, Борис, Мефистофель, Мельник, Сусанин, Дон Кихот. Что ни роль, то откровение. Насколько он был монументален! Каждая его роль — находка, шедевр ваятеля. Искусством он приподнимал жизнь.

Я искал дружеских встреч с Шалапиным. И со временем у нас установились добрые отношения.

Однажды Федор Иванович пришел ко мне в мастерскую на Пресне. Прознав, что будет Шалапин, собрался многочисленных моих друзья и знакомые — почитатели его таланта. Переждав шумные приветствия, Шалапин по нашей просьбе пел «Пророка» и «Уймись, волнения страсти», арии и народные песни.

Даже великий скептик, дворник нашего дома Григорий Александрович пришел в полный восторг и, легши у ног Шалапина, кричал «ура» и признавался со слезой в голосе, что испытал самую большую в жизни радость — слышал голос поистине великого артиста.

Шалапину кто-то из моих близких сказал, что жена нашего дворника Авдотья Сергеевна красиво поет народные песни. Федор Иванович стал усердно просить Авдотью спеть. Скромная женщина отказывалась, приговаривая, что-де она не может петь после самого Шалапина. И нужно было видеть, с каким вниманием слушал Шалапин голос Авдотьи Сергеевны, спевшей «Потеряла я колечко, потеряла я любовь». И очень скоро в концерте Федора Ивановича прозвучала эта песня.

В 1930 году я работал над скульптурным портретом Шала-

пина. Он был трудным натурщиком: во время сеансов разговаривал, то и дело брался за карандаш, все время вертелся на стуле, неожиданно вскакивал и с неподдельным интересом обходил кругом станок с только начатым мной портретом. Шалапин не раз говорил мне, как он любит пластические искусства — особенно скульптуру. Он вполне серьезно сказал однажды, что хотел бы стать скульптором, но, зная, не суждено. «Как свеча, догорает во мне эта сокровенная мечта», — образно закончил Федор Иванович свою невольную исповедь. К слову сказать, он был прекрасным скульптором — в этом не усомнится тот, кто видел шалапинский автопортрет. А что за чудо — грим великого артиста, его умение жестом, покроем костюма, впечатляющей позой именно лепить образ. Поразительных способностей человек рожден был русской землей!

Свобода выражения, с какой Шалапин развернул перед всем миром свой огромный талант, восхищала меня, вдохновляла в работе над портретом артиста. Я изобразил Шалапина с сомкнутыми устами, но всем его обликом хотел передать песню. Вот-вот она сорвется с этих уст. Шалапин только приготовился петь, а вы уже загнипозированы и покорены его могучим даром.

Песню и музыку нельзя вылепить в буквальном смысле этого слова. Но в белокаменной глыбе мрамора — своя музыка. Ее надо вызвать и оживить. В своей скульптуре я изваял только голову Шалапина, но мне бы хотелось передать зрителю и то, что отсутствует в скульптуре, — его могучую грудь, в которой клокочет огонь музыки. Я хотел показать Шалапина — властителя музыки. Голос был ему послушен, как скульптору мрамор. Сложность задачи увлекала меня, требовала смелости в работе, свободного полета фантазии.

Дружеская и творческая связь моя с Шалапиным продолжалась не одно десятилетие. Он был мне дорог и близок как певец, открывший безграничную власть музыки над человеком. Мне понятны были широкий русский характер гениального артиста и его слабости. Он был создан великим народом и явил миру титаническую душевную мощь русского человека.